

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.5>

Кублицкая Ольга Викторовна

Особенности субъектной организации путевой прозы: опыт анализа сентиментальных путешествий конца XVIII - начала XIX века

Цель статьи - изучение системы повествовательных инстанций и соответствующих им элементов субъектной структуры сентиментальных путешествий конца XVIII - начала XIX века (сочинений писателей-карамзинистов В. В. Измайлова, П. И. Сумарокова, П. И. Шаликова). Научная новизна заключается в применении методологии нарратологического анализа к ранее не исследованным с данной позиции образцам прозы сентиментализма. К основным результатам исследования можно отнести уточнение специфики субъектной структуры сентиментальных путешествий с использованием концепции повествовательных инстанций и определение взаимосвязи накопления практик их вербальной самопрезентации и развития путевой прозы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/9/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 33-38. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

54. **Щепная птица счастья** [Электронный ресурс]. URL: <https://3otveta.ru/shchepnaya-ptitsa-schastyia/> (дата обращения: 23.06.2020).
55. **Щукин В.** Заметки о мифопоэтике «Грозы» // Вопросы литературы. 2006. № 3. С. 180-195.
56. **Элиаде М.** Аспекты мифа / пер. с фр. В. П. Большакова. М.: Академический Проект, 2014. 235 с.

Oriental and Regional Mythopoetical Images of Birds in S.-M. Salinsky's Story "Birds Come Back to Dreams"

Kirillova Elena Olegovna, PhD

*Far Eastern Federal University, Vladivostok
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East
of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok
sevia@rambler.ru*

The article focuses on studying mythopoetics as a meaning-formative basis of S.-M. Salinsky's story "Birds Come Back to Dreams". Scientific originality of the paper is conditioned by the fact that for the first time S.-M. Salinsky's story is analysed from the viewpoint of oriental and regional mythopoetics and also by the fact that the writer is considered as a bearer of frontier mentality – the author's consciousness was formed under the conditions of the interethnic multicultural space. S.-M. Salinsky's artistic world represents the Far Eastern frontier culture where an individual's worldview formation occurred under the conditions of ethno-migrational, ethno-social and ethno-religious transformations of the middle of the XIX – the beginning of the XX century. The research findings are as follows: the author shows how under the conditions of the Far Eastern multicultural space, frontier mythology formed the artist's worldview. Bird images and related motives in the writer's creative work are associated with different spiritual and religious conceptions and beliefs. Folkloric syncretism (combination of the Russian, Polish, Korean, Japanese, Chinese, Tungusic folklore elements) formed a natural basis of Pacific Russia's ethno-cultural worldview.

Key words and phrases: S.-M. Salinsky; "Birds Come Back to Dreams"; mytho-poetical images of birds; crosscultural and inter-ethnic interactions; Far Eastern literature.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.5>

Дата поступления рукописи: 24.07.2020

Цель статьи – изучение системы повествовательных инстанций и соответствующих им элементов субъектной структуры сентиментальных путешествий конца XVIII – начала XIX века (сочинений писателей-карамзинистов В. В. Измайлова, П. И. Сумарокова, П. И. Шаликова). *Научная новизна* заключается в применении методологии нарратологического анализа к ранее не исследованным с данной позиции образцам прозы сентиментализма. *К основным результатам исследования* можно отнести уточнение специфики субъектной структуры сентиментальных путешествий с использованием концепции повествовательных инстанций и определение взаимосвязи накопления практик их вербальной самопрезентации и развития путевой прозы.

Ключевые слова и фразы: В. В. Измайлов; П. И. Сумароков; П. И. Шаликов; субъектная структура; повествовательные инстанции; путевая проза; сентиментализм.

Кублицкая Ольга Викторовна, к. филол. н., доц.

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
o.kublitskaya@lengu.ru*

Особенности субъектной организации путевой прозы: опыт анализа сентиментальных путешествий конца XVIII – начала XIX века

Субъектная организация художественного произведения – понятие, введенное в широкий научный оборот Б. О. Корманом. Понимая под ней «соотнесенность всех отрывков текста, составляющих в совокупности данное произведение, с используемыми в нем субъектами (речи и сознания)» [9, с. 23], исследователь положил начало дискуссии о роли и месте указанных субъектов в структуре текста. Впрочем, это явилось лишь частью обсуждения глобальной проблемы авторства как ключевого литературоведческого феномена, *актуальность* которого является непреходящей.

Исследование категории автора, в свою очередь, – часть куда более масштабного явления антропоцентризма в изучении художественного текста. Не подлежит сомнению тот факт, что «сам творческий акт осуществляется реальной личностью в соответствии с теми или иными ее установками, в произведении обязательно находят свое отражение личные интенции автора, воплощенные и преобразованные по художественным законам» [19, с. 122].

Таким образом, в процессе исследования решаются следующие *задачи*:

- обобщить современные подходы к анализу категории автора;
- проанализировать систему повествовательных инстанций в сентиментальных путешествиях конца XVIII – начала XIX века;

– определить, как новые формы манифестации субъектности в дальнейшем повлияли на появление собственно литературных путешествий.

Исследование опирается на широкую *теоретическую базу*. Так, оценивая современное состояние вопроса, Ю. А. Ладыгин констатирует, что «при исследовании категории автора как субъекта речи следует придерживаться определенной методологической ориентации, заключающейся в рассмотрении объектов изучения в виде системы» [11, с. 136]. Т. В. Федосеева, анализируя вопросы литературной антропологии, подчеркивает, что «интерес вызывает функционирование в мире художественного произведения типичной для времени модели человека» [22, с. 72-73]. Модель оказывается трихотомичной: это и автор, и герой, и читатель.

Осмысление категории авторства в зарубежном и отечественном литературоведении опирается на мощную исследовательскую традицию. Так, биографический метод в изучении автора связан с именами Ш. О. де Сент-Бёва, Г. Брандеса, В. Дильтея, К. Ясперса и др.

С биографическим методом коррелирует социология литературы, в широком смысле соприкасающаяся с литературной герменевтикой и рецептивной эстетикой (Г. Лукач, Х. Р. Яусс, В. Изер и др.) и определяющая механизмы включения читателя в парадигму анализа. М. В. Морозова замечает, что с этой позиции читателя можно исследовать «как уникальный медиум культурной коммуникации, которому сопутствует особая модификация сознания. В ней реализуется принципиальная черта субъекта – собственная непостижимость, которую художественный вымысел превращает в процессуальную форму доступа к самому себе» [15, с. 111].

Критическое осмысление категории автора также осуществляется в рамках формализма, структурализма, семиотики и смежных с ними исследовательских практик (труды Р. Барта, М. Фуко, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, Б. О. Кормана и др.). Сравнительно-исторический подход в изучении автора применяется в исследованиях М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, С. С. Аверинцева и др.

Изучение авторской картины мира и ее языковой репрезентации составило научный интерес и ученых-лингвистов (работы Н. Д. Арутюновой, Г. А. Золотовой, Ю. Н. Караулова и др.). Справедливо отмечается, что использование лингвистической методологии позволяет, в частности, соотнести содержание текста с «за-текстовой реальностью» [12, с. 113] и проанализировать механизмы ее отражения в слове.

Особый интерес у современных исследователей вызывает теория повествовательных инстанций, разрабатываемая в рамках нарратологии (работы В. Шмида, Ц. Тодорова, Р. Барта, М. Бала и др.). Выделяя три общих уровня (конкретного автора и читателя, абстрактного автора и читателя, нарратора и наррататора), теории нарратива моделируют различные порождающие текстовые схемы, в основе которых лежит идея точки зрения. Б. А. Успенский подчеркивает, что это одна из ключевых проблем, являющихся «центральной проблемой композиции произведения искусства» [20, с. 9]. В. Шмид говорит о точке зрения как об образуемом внешними и внутренними факторами узле условий, влияющих на восприятие и передачу событий [26, с. 124]. О. А. Ковалев в числе прочих употребляет термин «фокусировка», понимая под ним «приемы, позволяющие усилить внимание, актуализировать определенные составляющие нарративной информации, требовать восприятия сюжетной ситуации под определенным углом зрения» [8, с. 47].

Образ героя (персонажа) как содержательная универсалия художественного текста в исследовательском смысле тесно связан с категорией автора: это подтверждают работы Ш. О. де Сент-Бёва, Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова, В. Я. Проппа, М. М. Бахтина, Р. Барта, Л. Я. Гинзбург, Н. Д. Тмарченко и др.

С. А. Мартыанова, суммируя опыт теоретического осмысления категории персонажа, отмечает, что в сфере внимания исследователей попеременно включаются различные аспекты ее бытования, и определяет персонажа как объективированного автором в слове вершителя действия, носителя материально-телесной целостности, который обладает внутренней сущностью (духовным ядром или его подобием) [14, с. 10].

Функция читателя, изначально исследуемая в рамках рецептивной эстетики (Х.-Р. Яусс и В. Изер), сейчас стала предметом научного интереса широкого круга специалистов в области теории повествования (Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин, В. Шмид, М. Риффатер, В. Изер, Н. Д. Тмарченко и др.). Вместе с тем Н. А. Кафидова констатирует, что «общая практика анализа художественного произведения все еще не предполагает обязательный учет его “читательской” составляющей» [6, с. 107]. Это может быть связано и с тем, что «диалог автора с “идеальным” читателем носит имплицитный характер, так как представление писателя о своем читателе, которому адресовано произведение, отражается во всем повествовании» [2, с. 52].

Иными словами, говорить о единой комплексной методике изучения субъектной организации текста невозможно, однако современным литературоведением накоплен значительный исследовательский потенциал, отдельные алгоритмы которого будут использованы в рамках настоящей статьи.

Отталкиваясь от жанрового образца – «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина, в качестве материала для анализа мы выбрали следующие тексты, объединенные в числе прочего тематически:

- В. В. Измайлов «Путешествие в Полуденную Россию» (1800-1805);
- П. И. Сумароков «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест» (1803);
- П. И. Шаликов «Путешествие в Малороссию» (1800).

В исследовании применяются общеполитические *методы* анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также сопоставительный, формальный, структурный и сравнительно-исторический подходы к анализу текста и его ключевых категорий.

В качестве базовой методологии анализа субъектной структуры путевой прозы нами была выбрана концепция повествовательных инстанций, предложенная В. Шмидом [26] и в самом общем виде включающая конкретного автора и читателя, абстрактного автора и читателя, нарратора и наррататора.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания теории литературы и истории отечественной литературы конца XVIII – начала XIX в. в образовательных организациях высшего образования, подготовки выпускных квалификационных работ, а также учебных и научных изданий.

Т. Л. Власенко, анализируя исторические субъектные формы в эпосе, отмечает, что «основной исторической субъектной формой выражения авторского сознания в эпосе является рассказчик», а «связи “я” частного человека и “я” рассказчика, “я” народа и “я” критика накладывают свой отпечаток» [3, с. 81]. Она обращает внимание на то, что «совпадение взглядов на мир рассказчика и “я” литератора наиболее характерно для зрелого этапа сентименталистской прозы» [Там же, с. 90].

Указанный комментарий возвращает нас к классической классификации форм авторского присутствия в тексте – повествованию от первого и третьего лица (по Е. И. Орловой [16]):

- 1) повествование от третьего лица (Erform, Er-Erzählung) – повествователь:
 - собственно авторское повествование (повествователь не персонифицирован, субъект речи и субъект сознания совпадают). Может быть соотнесен с недиегетическим нарратором по В. Шмиду [26];
 - несобственно-авторское повествование (совмещаются два субъекта сознания (автор и герой) – при том, что субъект речи один: это повествователь). Сопоставим с диегетическим нарратором с разнополюсной точкой зрения;
 - несобственно-прямая речь (голос героя начинает преобладать над голосом автора, хотя формально текст принадлежит повествователю). Может рассматриваться как разновидность диегетического нарратора (персонаж или нарратор-протагонист);
- 2) повествование от 1-го лица (Icherzählung) – рассказчик:
 - автор-рассказчик (он же диегетический нарратор: нарратор-протагонист или один из персонажей);
 - герой-рассказчик (диегетический нарратор как один из персонажей);
 - рассказчик, не являющийся героем (диегетический нарратор-очевидец).

Сопоставляя данную классификацию с трихотомичной моделью нарративных инстанций, мы приходим к выводу, что при движении «наружу», к краям схемы (от нарратора и наррататора через абстрактного автора и читателя к конкретному автору и читателю) мы сталкиваемся с очевидной необходимостью дифференцировать формы «присутствия» различных повествовательных инстанций в тексте в зависимости от модуса анализируемых текстов – художественного, художественно-документального или документального.

Гипотеза исследования будет заключаться в признании изначального маргинального (художественно-документального) статуса сентиментальных путешествий, созданных русскими авторами в подражание Карамзину. Это утверждение базируется на следующих основаниях:

- непосредственным источником «Путешествия в Полуденную Россию», «Путешествия по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году», «Путешествия в Малороссию» являются «Письма русского путешественника», созданные, в свою очередь, под влиянием стерновской традиции сентиментального письма. Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский отмечают, в частности, что «“Письма”... закрепили двойственность его (Карамзина. – О. К.) образа для читателей (европеец – русский; ученик – учитель; неискушенный юноша, читатель чужих сочинений – писатель, законодатель литературных норм и проч.)» [13, с. 526]. Но следует учитывать также и то, что Стерн, равно как и Карамзин, искали новую литературную форму в условиях «документального взрыва» – колоссального интереса к различным эго-документам во второй половине XVIII века;
 - авторы используют изначальную документальную модель «путешествия» – сложного наджанрового целого, одну из разновидностей путевой прозы;
 - тексты основаны на описании реальных путешествий, предпринятых авторами приблизительно в один и тот же промежуток времени по Украине и смежным территориям. Исследователи отмечают, что «завершившиеся екатерининские реформы превратили Малороссию из экзотической полувоенной окраины в интегрированную часть страны, нуждавшуюся, дабы быть полноценно включенной в имперскую культуру, в освоении и описании» [7, с. 21];
 - накопление форм художественности осуществляется по линии выработки авторского идиостиля, разработки дескриптивных элементов (портретных и пейзажных описаний), а также постепенного разрушения линейности наррации. Все это соотносимо с концепцией точки зрения и функциями нарратора, перечисленными В. Шмидом (инициальные знаки присутствия нарратора в тексте – это подбор элементов из «событий», их конкретизация, детализация и композиционное расположение, а также языковая презентация, оценка и рефлексия) [26].

Обратимся к анализу субъектной структуры сентиментального путешествия, оговорившись, что анализ субъектной стороны путевой прозы будет осуществляться в рамках развития концепции травелогемы, вариативной структурно-семантической модели организации рассказа о путешествии, основанной на актуализации одного из трех элементов – субъекта, дестинации или интенции, в наиболее общем виде описанной нами ранее [10].

«Путешествие в Полуденную Россию» Владимира Измайлова, состоящее из четырех частей, опубликовано с 1800 г. по 1805 г. А. Ю. Соловьев, подробно исследовавший художественные особенности данного текста, отмечает, что само путешествие было предпринято Измайловым в 1799 году и растянулось на пять месяцев (май-сентябрь). Издание первой части относится к 1800 году, в 1802 году она была переиздана с разделением на две и добавлением дописанной третьей и четвертой частей; здесь обнаруживаются следы довольно тщательной правки [17, с. 347-348]. В 1805 году вышло третье издание, исправленное и значительно сокращенное. Отмечается, что «часть внесенных в текст исправлений носит технический характер и, действительно,

может быть отнесена на счет “угодения вкусу” читательниц и стремления облегчить чтение» [Там же, с. 348], часть имеет цензурный характер, а некоторые связаны с критикой Карамзина «осуждавшего “излишнюю высокопарность, гром слов не у места и часто притворную слезливость” молодых авторов» [Там же, с. 350]. Третье издание подверглось значительному сокращению, стилевой, грамматической и содержательной правке. «Среди удаленных подробностей и мелких деталей подавляющее большинство касается личности повествователя. <...> Убираются указания на местопребывания Путешественника, описания его душевных состояний» [Там же, с. 358].

В рамках настоящей статьи мы ограничимся анализом первого издания текста как наиболее близкого исходному авторскому замыслу. Итак, конкретный автор анализируемого «путешествия» – Владимир Васильевич Измайлов, русский писатель, журналист, цензор, представитель так называемого «карамзинского» течения в литературе. И. А. Широкова справедливо призывает воздержаться от оценочных интерпретаций образа конкретного автора при отсутствии документальных свидетельств, так как он «чаще всего не совпадает с автором-повествователем, то есть образом автора (голосом автора) художественного произведения в сознании читателя» [25, с. 103].

Абстрактный автор здесь – абсолютизированный чувствительный сентиментальный путешественник, склонный к шаблонному выражению чувств в типичной стерновско-карамзинской традиции: «Смотришь – и не можешь насмотрѣться, чувствуешь – и не можешь разобрать чувствъ своихъ, забываешь самага себя – и наслаждаешься симъ самымъ забвеніемъ. Не есть ли это чувство любви, и чувство природы?» [4, с. 43]. Нарратор – эксплицитный, диегетический, первичный, сильно выявленный, личный, антропоморфный, единый, субъективный, ограниченный по знанию и местонахождению, внутринаходимый, надежный. В традиционной терминологии может быть соотнесен с автором-рассказчиком. Есть примеры включения в повествования вторичного нарратора (см., например, Письмо XIII – разговор с «умнымъ Малороссіяниномъ» [Там же, с. 55] или беседу с Жидом в Письме XVII [Там же, с. 74-75]).

Конкретный читатель – круг непосредственных реципиентов текста, начиная литературными критиками и заканчивая образованным дворянством. Абстрактный читатель в данном случае, вероятнее всего, будет эрудированным, чувствительным, настроенным на интерпретацию аллюзий и иных элементов интертекста. Знаки нарратора в тексте – случаи прямой адресации нарратора («Подумайте о ничтожности вещей человеческихъ!.. Вообразите их состояние!» [Там же, с. 318-319]).

«Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест» (1800) Павла Сумарокова. Жанровая модель – путевой дневник, датированный, с указанием мест. Текст снабжен паратекстовыми элементами: обращением к читателям и княгине В. В. Голицыной. О. Б. Кафанова подчеркивает, что «личность автора-повествователя проявляется у Сумарокова весьма сдержанно. Он стремится к объективному описанию природы, климата и пейзажей Крыма и России, нравов и обычаев крымских татар и русских крестьян» [5, с. 199].

О. А. Фарафонова, подробно изучившая продолжение «Путешествия по всему Крыму и Бессарабии...» – «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду» (1803), – сделала ряд ценных наблюдений, справедливых и для анализируемого в данной статье текста. «Восприятие Сумароковым окружающего его крымского пространства определяется сразу несколькими факторами... он понимает Тавриду для себя как место временного пребывания вне своего “европейского” пространства. <...> Сумароков ощущает это пространство как безусловно чужое и странное. <...> ...он видит и описывает Крым как покоритель-колонизатор, который заботится о том, как лучше и с большей выгодой для империи использовать вновь обретенные территории» [21, с. 74-75].

Конкретный автор «Путешествия...» – Павел Иванович Сумароков, чиновник, литератор, автор ряда повествовательных и драматических сочинений. Абстрактный автор – эрудированный, сдержанный, внимательный «колонизатор» [1], далекий от традиционного «сентиментального чувствования». Нарратор – эксплицитный, диегетический, первичный, сильно выявленный, личный, антропоморфный, единый, субъективный, ограниченный по знанию и местонахождению, внутринаходимый, надежный.

Конкретный читатель, в отличие от аналогичной инстанции в сочинениях Измайлова, будет в большей степени прагматичным деловым реципиентом, заинтересованным в изучении исторических, географических, этнографических, политических реалий Крыма. О. Б. Кафанова отмечает, что, «обращаясь к читателю в заключении ч. 1, Сумароков отмежевывается от традиционного жанра путешествий: “Не ищи во мне ни Стерна, ни Дюпати: они редки, неподражаемы; однако же всему есть своя мера и свой вес”» [5, с. 200]. По аналогии с этим можно реконструировать и инстанцию абстрактного читателя. Знаки нарратора в тексте – случаи прямой или косвенной адресации нарратора («Прежде нежели вступлю я в сию страну, небесполезным, полагаю я, будет для читателя найти краткое повествование о первобытных в ней народах и о всех случившихся в оной до наших времен переменах» [18, с. 302]).

«Путешествие в Малороссию» (1803) Петра Ивановича Шаликова. Жанровая модель – путевой дневник, записи имеют различные тематические названия («Любопытство», «Екатерин-дар», «Находка»); снабжен паратекстовыми элементами: обращением к друзьям и издательской адресацией. Вслед за «Путешествием...» Шаликов публикует «Другое путешествие в Малороссию» (1804), в предисловии к которому он в числе прочих говорит о стремлении «избежать, в рассуждении слога, тех упреков, которые были деланы ему критикой Московского Меркурия» [23, с. 6]. Из сказанного видно, что конкретный автор текста – князь Петр Иванович Шаликов, многократно критикуемый за чрезмерно «сентиментальную манеру письма». Абстрактный автор, подобно «Измайлову», должен быть типичным чувствительным сентиментальным путешественником,

а нарратор – диегетическим, первичным, сильно выявленным, личным, антропоморфным, единым, субъективным, ограниченным по знанию и местонахождению, внутринаходимым, надежным.

Конкретный читатель, как ясно из приведенного выше замечания О. Б. Кафановой, – это не только круг читающего дворянства и непосредственных адресатов, вынесенных в начало текста, но и «критики Московского Меркурия», давшие не самую лестную оценку творчеству Шаликова [5, с. 199]. Он расходится с инстанцией абстрактного читателя – эрудированного, чувствительного, настроенного на интерпретацию аллюзий.

Знаки нарратора в тексте – случаи прямой адресации нарратора («Спросите у меня, что более всего ласкает вкусу?» [24, с. 524]. «Еще раз: простите мне, друзья мои, гуляющие по бульварам; простите мне, красавицы, для которых слава бульвара так же дорога, может быть, как и собственная» [Там же, с. 529]).

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. Анализ субъектной структуры сентиментальных путешествий обнаруживает определенную степень недифференциации повествовательных инстанций. Обширная методологическая дискуссия о категории автора, ее актуальности и имплементируемости в современную науку о литературе не позволяет исследователю однозначно определить тот угол зрения, под которым «образ автора» становится равным себе. Современные подходы к интерпретации указанной категории связаны со стремлением встроить ее в общую парадигму субъектной структуры текста. Нарратологическая концепция повествовательных инстанций видится одной из наиболее близких «строгих» форм, позволяющих оценить субъектную организацию прозаического текста.

Категория автора в путевой прозе является системообразующей, трансформирующей фактуальный мир в фиктивный, и поэтому анализ сентиментальных путешествий, которые объединены общей темой и единым образом пространства, оказывается достаточно репрезентативным. Начатая Карамзиным «игра в имитацию» – демонстрация различных масок и проигрывание социально-идеологических ролей, наложенная на концепцию «сентиментального путешествия», сформулировала непростую задачу для его последователей: конкретный автор оказывается подчас «расщепленным», несоотносимым с инстанцией абстрактного и нарратором (три версии «Путешествия...» Измайлова). С другой стороны, конкретный читатель, ожидающий прочесть о впечатлениях «чувствительной души», сталкивается с сухим комментарием и обширным экскурсом в историю Крыма («Путешествие» Сумарокова). Наконец, максимально экзальтированный нарратив Шаликова вызывает массу критики как у читателей, так и у профессионалов, и он пишет продолжение, стремясь нивелировать указанный эффект.

Так постепенно развивается практика вербальной самопрезентации авторских и читательских инстанций; будучи ограниченными рамками новой традиции, писатели-сентименталисты искали оригинальные способы их трансляции – накапливая художественный опыт, они подготавливали появление собственно литературных путешествий, анализ специфики субъектной структуры которых составляет *перспективу исследования*.

Список источников

1. **Алексеев П. В.** Русский ориентальный травелог как жанр путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века // Филология и человек. 2014. № 2. С. 34-46.
2. **Бобкова Ю. З.** Фактор субъектной адресованности в биографических текстах // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2008. № 2. Филологические науки. С. 50-55.
3. **Власенко Т. Л.** Литература как форма авторского сознания. М.: Логос, 1995. 197 с.
4. **Измайлов В. В.** Путешествие в Полуденную Россию. В письмах, изданных Владимиром Измайловым. М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1800-1802. 428 с.
5. **Кафанова О. Б.** Сумароков Павел Иванович // Словарь русских писателей XVIII века: в 3-х вып. / отв. ред. А. М. Панченко. СПб.: Наука, 1999. Вып. 3. С. 199-201.
6. **Кафидова Н. А.** Читатель как проблема поэтики // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2010. № 11 (54). С. 97-110.
7. **Киселев В. С., Васильева Т. А.** «Под отечественным небом странствую с мирною душою»: образ Украины в русских травелогах начала XIX в. (В. В. Измайлов, П. И. Шаликов, А. И. Левшин) // Имагология и компаративистика. 2015. № 2 (4). С. 20-42.
8. **Ковалев О. А.** Фокусировка как возможный термин нарратологии (на материале романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 44-50.
9. **Корман Б. О.** Практикум по изучению художественного произведения. Лирическая система: учеб. пособие. Ижевск: Удм. гос. ун-т им. 50-летия СССР, 1978. 89 с.
10. **Кублицкая О. В., Мальцева Т. В.** Травелогема: к определению объема понятия // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 6. С. 162-168.
11. **Ладыгин Ю. А.** Проблема речевого воздействия автора художественного текста на читателя // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2s (18). С. 134-140.
12. **Левина В. Н.** Художественный текст как авторское отражение картины мира // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2005. № 4 (40). С. 113-117.
13. **Лотман Ю. М., Успенский Б. А.** «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. С. 525-606.
14. **Мартьянова С. А.** Персонаж в художественной литературе: учеб. пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014. 84 с.
15. **Морозова М. В.** Специфика проблемы субъекта в рецептивной эстетике и литературной антропологии В. Изера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». 2018. Т. 22. № 1. С. 107-115.
16. **Орлова Е. И.** Образ автора в литературном произведении: учеб. пособие. М.: УПЛ ф-та журн. МГУ, 2008. 44 с.
17. **Соловьев А. Ю.** История текста «Путешествия в Полуденную Россию» В. В. Измайлова // XVIII век: сб. ст. и материалов. 2013. Сб. 27. Пути развития русской литературы XVIII века. С. 343-362.

18. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест // Ландшафт моих воображений. Страницы прозы русского сентиментализма / сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. И. Коровин. М.: Современник, 1990. С. 290-392.
19. Трапезникова О. А. Еще раз об образе автора и его смысловых коррелятах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 2 (2). С. 122-125.
20. Успенский Б. А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970. 225 с.
21. Фарафонова О. А. Ориентальный травелог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду») // Научный диалог. 2017. № 7. С. 70-82.
22. Федосеева Т. В. О литературной антропологии и антропоцентризме современного литературоведения // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2016. № 3 (52). С. 72-82.
23. Шаликов П. И. Другое путешествие в Малороссию. М.: Унив. тип., у Любиа, Гария и Попова, 1804. 262 с.
24. Шаликов П. И. Путешествие в Малороссию // Ландшафт моих воображений. Страницы прозы русского сентиментализма / сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. И. Коровин. М.: Современник, 1990. С. 516-571.
25. Широкова И. А. Образ автора в художественном произведении: отражение отражаемого // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 23 (352). Филология. Искусствоведение. С. 103-106.
26. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славян. культуры, 2003. 311 с.

Subjective Structure of Travel Texts: Attempt of Analysing Sentimental Journeys of the End of the XVIII – the Beginning of the XIX Century

Kublitskaya Olga Viktorovna, PhD
Pushkin Leningrad State University
o.kublitskaya@lengu.ru

The paper aims to examine narrative instances and corresponding elements of the subjective structure of sentimental journeys of the end of the XVIII – the beginning of the XIX century (works of the Karamzinists V. V. Izmailov, P. I. Sumarokov, P. I. Shalikov). Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher for the first time provides a narratological analysis of the Russian sentimental prose, which has not been previously investigated from this viewpoint. The research findings are as follows: relying on the narrative instances conception, the researcher clarifies specificity of subjective structure of sentimental journeys and shows how practices of their verbal self-presentation influenced development of the travel prose.

Key words and phrases: V. V. Izmailov; P. I. Sumarokov; P. I. Shalikov; subjective structure; narrative instances; travel prose; sentimentalism.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.6>

Дата поступления рукописи: 08.07.2020

Цель исследования – выявить основные принципы сюжетно-композиционного построения рассказа А. П. Чехова «Новая дача», рассмотреть своеобразие внутреннего мира чеховских героев, художественную структуру рассказа, описать отношение «маленького человека» и человека вообще к жизненным и нравственным ценностям. **Научная новизна** исследования заключается в своеобразии интерпретации сюжетно-композиционных приёмов, а также языковых и стилевых особенностей рассказа. Впервые дан целостный анализ произведения посредством описательного и текстологического анализа, обусловленного спецификой системы образов и поэтики повествования. **В результате** была выявлена авторская позиция Чехова в направлении художественного новаторства в рассказе «Новая дача», определены особенности художественной организации текста в реализации композиционных приёмов в повествовании.

Ключевые слова и фразы: Чехов; рассказ; сюжет; композиция; изобразительно-выразительные средства; язык и стиль.

Новикова Альбина Алексеевна, к. филол. н., доц.

Головнёва Юлия Владимировна, к. филол. н., доц.

Филиал Дальневосточного федерального университета в г. Уссурийске (Школа педагогики)

novikalex.49@mail.ru; golovnyova@mail.ru

Особенности образной и композиционной структуры рассказа А. П. Чехова «Новая дача»

1880-90-е годы занимают значительное место в истории общественной жизни России, повлияв практически и на все формы развития литературы. Особенности этого времени нашли отражение в творчестве русских писателей старшего поколения (Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Лесков, Н. А. Некрасов, Д. В. Григорович и другие). Современники А. П. Чехова начинали по-новому осмысливать характер этой эпохи. Вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» были заданы ещё А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским в своих романах в середине XIX века, и А. П. Чехов, уже известный к тому времени автор маленьких рассказов, обратился в своём творчестве к раскрытию насущных вопросов современной ему